

ИСТОРИОГРАФИЯ

ПОЛИТИКА США В ОБЛАСТИ ВООРУЖЕНИЙ В 70-Е ГОДЫ (по американским документам)

Г. И. Святков

Политика США в области вооружений является частью их военной, внешней и экономической политики. В то же время она представляет собой и самостоятельный круг вопросов, тесно связанных с приоритетами и альтернативами политики правящих кругов США, с их внешнеполитической доктриной и военно-политической стратегией, американскими оценками изменений в расстановке сил на мировой арене, а также с эволюцией советско-американских отношений. При принятии правительством и конгрессом США решений относительно политики в области вооружений определяющим фактором считается проблема обеспечения «достаточного» военного потенциала в современных условиях и в перспективе. Вместе с тем наращивание и модернизация вооружений осуществляются не без учета влияния на этот процесс двусторонних и многосторонних соглашений об ограничении вооружений.

В 70-х годах в военной политике США на смену стратегии «гибкого реагирования» пришла стратегия «реалистического сдерживания», несколько сократилась численность американских вооруженных сил, внесены изменения в концепции развития стратегических вооружений и сил общего назначения.

Принципиальная оценка политики США в области наращивания вооружений и подходов американской стороны к их ограничению на двусторонней и многосторонней основе дается в советских партийных и государственных документах, докладах и выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева. Имеется соответствующая советская литература — публикации советских ученых и журналистов-международников.

В США внешняя и военная политика формулируется в докладах и выступлениях президентов, министров обороны, председателей Комитета начальников штабов, директоров Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, помощников президента по национальной безопасности и государственных секрета-

рей и анализируется американскими учеными, журналистами и политическими деятелями в книгах и статьях, в журналах и газетах.

В настоящей статье предпринята попытка дать историографический обзор основных американских документов по проблемам политики США в области вооружений в 70-е годы: докладов и некоторых выступлений президентов США — Р. Никсона, Дж. Форда и Дж. Картера, докладов министров обороны — Р. Макнамары, К. Клиффорда, М. Лэйрда, Э. Ричардсона. Дж. Шлесинджера, Д. Рамсфелда и Г. Брауна, некоторых докладов председателей Комитета начальников штабов — адмирала Т. Мурера и генералов Дж. Брауна и Д. Джоунса, а также отдельных докладов директоров Агентства по контролю над вооружениями и разоружению.

Общие направления внешней и военной политики США, их политика в области наращивания, а также проблемы ограничения вооружений в 70-е годы наиболее полно раскрыты в посланиях, докладах и выступлениях президентов США Р. Никсона, Дж. Форда и Дж. Картера, при этом значительный исторический интерес представляют четыре внешнеполитических доклада Р. Никсона¹, в которых сформулированы основные идеи внешнеполитической доктрины «разделенной ответственности» (доктрина Никсона) и некоторые основополагающие положения военнополитической стратегии «реалистического сдерживания», более детальное раскрытие которой дано в докладах министра обороны США М. Лэйрда.

Если попытаться в общем охарактеризовать внешнеполитические доклады Р. Никсона, подготовленные для конгресса США и выпущенные в 1970—1973 гг., то, во-первых, это был относительно новый прецедент во внешнеполитической деятельности президента, поскольку внешнеполитические доклады такого большого объема, похожие на теоретические исследования, не делались предшествующими президентами и не получили распространения в последующем; во-вторых, несомненно, что их анонимным автором был помощник президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер, и, в-третьих, их выпуск был, безусловно, связан с тем, что во внешней и военной политике страны происходили важные перемены в связи с изменениями оценок правящими кругами США расстановки сил в мире, новым подходом к роли союзников, учетом китайского фактора, роста оборонного могущества СССР, улучшения американско-советских отношений в условиях начавшейся разрядки междунаро-

¹ Nixon R. United States Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace. Washington, 1970; *Idem*. United States Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace. Washington, 1971; *Idem*. United States Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure of Peace. Washington, 1972; *Idem*. United States Foreign Policy for the 1970's. Shaping a Durable Peace. Washington, 1973; Ford G. Statement in Honolulu.— New York Times, 1975, 9 Dec., p. 1; О послании президента США.— Правда, 1980, 29 янв.

ной напряженности, поэтому структура этих докладов отражает поэтапные изменения во внешней и военной политике США в 1969—1973 гг.

Так, в первом докладе вслед за введением дается разъяснение перестройки аппарата Совета национальной безопасности (СНБ) в связи с переходом к новой внешнеполитической доктрине. «Поскольку мы хотели перейти к новой внешней политике,— писал Р. Никсон,— то должны начать с фундаментальной перестройки процесса выработки этой политики... Я давно полагал, что наиболее срочные вопросы — это не обязательно наиболее фундаментальные» (р. 11). В 1969 г. СНБ заседал 37 раз и рассмотрел основные проблемы внешней и военной политики США, которые предварительно готовились специальными межведомственными проблемными группами, возглавлявшимися заместителями министра обороны и государственного секретаря. Важные вопросы военной политики переходного периода анализировались специальным комитетом рассмотрения оборонных программ СНБ со стратегических, политических, дипломатических точек зрения и с увязкой их с общегосударственными приоритетами и альтернативами.

Комитет возглавлял помощник президента по национальной безопасности Г. Киссинджер. В его состав входили заместитель государственного секретаря, первый заместитель министра обороны, председатель Комитета начальников штабов, директор Бюджетного бюро, директор ЦРУ и председатель Совета экономических советников, а также директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, советник президента по науке и председатель Комиссии по атомной энергии.

Проанализировав изменение стратегического ядерного баланса США и СССР в послевоенный период, и особенно в 60-е годы, специальный комитет пришел к выводу о невозможности в перспективе сохранить для США стратегическое ядерное превосходство. Однако в силу нежелания признать принцип стратегического ядерного равенства в качестве стратегической ядерной концепции США на 70-е годы в докладе президента вместо концепции «стратегического превосходства», которая была положена в основу развития стратегических ядерных сил США в 60-е годы, была объявлена концепция «стратегической достаточности», суть которой состояла в официальном признании, с одной стороны, паритета в отношении возможности нанесения неприемлемого ущерба вторым ударом обеими странами на уровне неограниченной ядерной войны, а с другой — в поисках путей сохранения элементов «стратегического превосходства» США на более низких уровнях эскалации ядерной войны.

Интересно отметить, что уже в первом внешнеполитическом докладе Р. Никсона в 1970 г. имелись определенные, хотя и слабые, намеки на стратегические концепции США, получившие четкое выражение в 1974 г. в так называемой доктрине «ограниченной стратегической войны» Дж. Шлесинджера. «Растущие

стратегические силы обеих сторон, — писал Р. Никсон, — создают новые беспокоящие проблемы. Должен ли президент в случае ядерного нападения быть оставлен перед единственным выбором отдать приказ о массовом уничтожении гражданского населения врага перед лицом очевидности того, что за этим последует массовое уничтожение американцев? Следует ли узко определять концепцию „гарантированного уничтожения“, и должна ли она быть единственной мерой нашей способности сдерживать целый ряд различных угроз, с которыми мы можем столкнуться?» (р. 92).

Ко времени выхода в свет первого внешнеполитического доклада Р. Никсона в США закончились длительные дебаты по вопросу развертывания системы противоракетной обороны (ПРО) страны. Большинством всего лишь в один голос сенат одобрил развертывание системы ПРО «Сейфгард». В докладе говорилось о назначении этой системы: «Мы обеспечим локальную оборону выбранных пусковых установок ракет „Минитмэн“ и зональную оборону, предназначенную для защиты баз наших бомбардировщиков и пунктов стратегического управления. Кроме того, эта система будет обеспечивать оборону континентальных Соединенных Штатов от случайных и несанкционированных ударов и существенную защиту от удара, который китайцы, возможно, будут способны нанести в 70-е годы. Это развертывание не потребует размещения ракет и радиолокационных станций вблизи наших больших городов» (р. 95). В последующем, в 1972 и 1974 гг., США подписали с СССР договор о резком ограничении системы ПРО «Сейфгард» и протокол к нему, что способствовало сдерживанию гонки стратегических наступательных ядерных вооружений.

В этом же докладе было дано обоснование перехода от концепции подготовки к «двум с половиной войнам» к концепции «полутора войн», определившей основные требования к развитию сил общего назначения США в текущем десятилетии. «Провозглашенный основой развития наших обычных сил в 60-е годы, — говорилось в докладе, — был так называемый принцип „2¹/₂ войн“. Соответственно ему вооруженные силы США должны были обеспечить трехмесячную обычную оборону НАТО, оборону Кореи или Юго-Восточной Азии от полномасштабного китайского нападения и участие в конфликте меньшего масштаба — все одновременно... С целью привести в соответствие доктрину и возможности мы выбрали стратегию, которую лучше всего можно выразить концепцией „полутора войн“. В соответствии с ней мы будем поддерживать такие силы общего назначения мирного времени, которые будут способны встретить крупное нападение либо в Европе, либо в Азии, обеспечить помощь союзникам против некитайских угроз в Азии и одновременно принять участие в вооруженном конфликте где-то еще» (р. 91—92).

Понятно, что главным фактором принятия такого решения была благоприятная для американского империализма антисовет-

ская политика пекинского руководства в конце 60-х — начале 70-х годов.

Следующие два внешнеполитических доклада Р. Никсона были развитием первого, и в них в соответствии с изменениями международной обстановки, ходом войны во Вьетнаме, отношениями с союзниками, американо-советскими, американо-китайскими отношениями давалось более развернутое толкование внешнеполитической доктрины «разделенной ответственности», военно-политической стратегии «реалистического сдерживания» и политики Соединенных Штатов в области ограничения вооружений.

Представляет интерес анализ некоторых аспектов внешнеполитической доктрины и военно-политической стратегии США в докладах Р. Никсона. Прежде всего взглядов администраций США на американо-советские и американо-китайские отношения. Существует точка зрения, состоящая в том, что республиканские администрации Р. Никсона и Дж. Форда большее внимание уделяли позитивному развитию первых, а с приходом к власти демократической администрации Дж. Картера акценты были переставлены. В общем это соответствует действительности, однако уже во втором докладе Р. Никсона можно найти следующую оценку. «Нынешняя администрация ставила перед собой цель трансформировать американо-советские отношения так, чтобы взаимный поиск стабильного мира и безопасности стали их доминирующим фактором и движущей силой. Однако конечные перспективы движения к стабильному миру требуют согласия между Китаем и Соединенными Штатами, хотя ближайшие и последующие надежды в отношении мировой стабильности базируются на улучшенных и взаимовыгодных отношениях между нами и Советским Союзом» (р. 15).

Не случайным был и тот факт, что Никсон сначала нанес визит в КНР в феврале, а лишь затем в СССР — в мае 1972 г., тем не менее такое решение было во многом связано с тактическими соображениями, обусловленными ходом войны в Юго-Восточной Азии. В последнем же, четвертом внешнеполитическом докладе Р. Никсона (1973 г.) в разделе «Строительство новых отношений» Китай был поставлен перед Советским Союзом.

Основные моменты развития военно-политической стратегии и строительства вооруженных сил США в первой половине 70-х годов, а также американские подходы к ограничению стратегических вооружений и сокращению вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе рассмотрены во втором, третьем и четвертом докладах Р. Никсона. Применительно к стратегическим ядерным силам основной упор делался на повышение их гибкости, т. е. на отход от преобладавшей в 60-е годы концепции «гарантированного уничтожения» с ее элементами жесткости, сохранившимися еще от военно-политической стратегии «массированного возмездия» 50-х годов (хотя в целом между стратегиями «гибкого реагирования» 60-х годов и «массирован-

ного возмездия» имелось принципиальное отличие, обусловленное ростом оборонного ядерного потенциала СССР).

В четвертом докладе говорилось: «В этом десятилетии, когда потенциальные противники обладают большими и более гибкими ядерными силами, требуется иная стратегическая доктрина. Угроза неограниченного ядерного ответного удара, направленного на города обеих сторон, может не быть таким надежным сдерживанием, как это было в 60-е годы. Агрессор, в весьма маловероятной ядерной войне, может выбрать вариант селективного (контролируемого) использования ядерного оружия в ограниченных количествах и с ограниченными целями. Ни один президент не должен оказаться в положении, когда его единственным ответом на такую агрессию был бы неограниченный ядерный ответный удар. Для того чтобы ответить на широкий диапазон возможных враждебных действий, президент должен располагать широким выбором ответных мер.

Надежное сдерживание в 70-е годы требует большей гибкости. Отсутствие гибкости с нашей стороны может толкнуть агрессора на ограниченное использование ядерного оружия в кризисной ситуации. Если Соединенные Штаты будут располагать возможностью использовать свои силы контролируемым образом, вероятность ядерного ответа будет более высокой, что сделает сдерживание более эффективным и начальное использование ядерного оружия противником менее вероятными. Следовательно, для того чтобы расширить сдерживание на более широкий спектр возможных конфликтов, мы должны обеспечить нашим силам целый диапазон выборов. Если же война начнется, а мы не можем абсолютно гарантировать, что этого не случится, мы должны иметь средства предотвращения эскалации, создавая у противника побудительные мотивы невыгодности для него продолжения агрессии» (р. 182).

В то же время, понимая, что такой курс, прикрываемый оборонительной фразеологией, ведет к повышению точности и эффективности стратегических ядерных вооружений, а следовательно, и способности к «первому обезоруживающему удару», Р. Никсон пытался проявлять сдержанность, заявив, что «повышение гибкости использования наших сил не требует крупных изменений в наших ядерных программах» (р. 182) и что «наши силы, следовательно, не предназначены для обеспечения способности обезоруживающего первого удара» (р. 184).

Большое внимание во внешнеполитических докладах Р. Никсона уделено проблеме ограничения стратегических ядерных вооружений, особенно в преддверии заключения в мае 1972 г. советско-американского Договора об ограничении систем ПРО и Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, а также после их заключения. В последнем, четвертом докладе дана высокая оценка достигнутому соглашению и выражена надежда на дальнейшее ограничение стратегических наступательных воору-

жений США и СССР, как количественное, так и качественное, на принципе примерного равенства (р. 203).

Что же касается концепции развития американских сил общего назначения, то в докладах давалось обоснование и рассматривалась реализация концепции подготовки к «полутора войнам», что привело на практике к существенному количественному сокращению американских сил общего назначения, с акцентом на их качественное совершенствование, прежде всего в НАТО, и для ведения локальных войн (в третьем докладе отмечалось, что «приближение к стратегическому паритету означает также, что вероятность конфликтов ниже уровня крупной ядерной или обычной войны возросла», — р. 183).

«Наши сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы, — говорилось в четвертом докладе, — достигли абсолютного минимума с точки зрения наших обязательств и обеспечения надежного обычного сдерживания в век стратегического паритета. По сравнению с июнем 1964 г. мы имеем на треть меньше кораблей, уменьшили на 37 число эскадрилий и на $3\frac{1}{3}$ дивизий наземных сил» (р. 185). «Учитывая широкие потребности, неопределенность нынешней международной ситуации и послевьетнамское сокращение наших вооруженных сил, было бы неразумно проводить дальнейшие односторонние сокращения общих уровней и развертывания наших вооруженных сил» (р. 187).

В то же время в двух последних докладах значительное внимание уделялось проблеме взаимного сокращения вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, рассматривались равнопроцентный и равноколичественный подходы, симметричное и асимметричное сокращение, сокращение до одинаковых уровней, проблема контроля, при этом отмечалось, что сокращение ниже 10% трудно проконтролировать национальными техническими средствами.

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в США в 1973 г., подписанные во время этого визита новые советско-американские соглашения, и прежде всего соглашение о предотвращении ядерной войны, а также визит в СССР в 1974 г. президента США Р. Никсона и подписание протокола к Договору об ограничении систем ПРО, наложившему дальнейшие взаимные ограничения на развертывание систем противоракетной обороны, а следовательно, и на гонку стратегических ядерных вооружений, внесли важный вклад в позитивное развитие советско-американских отношений и в дело укрепления разрядки международной напряженности.

В августе 1974 г. в связи с уотергейтским делом президент США Р. Никсон был вынужден подать в отставку, и последующие два года правления республиканской администрации ее возглавлял президент Дж. Форд, который внес некоторые изменения во внешнеполитические и военно-политические концепции США.

Важными этапами позитивного развития советско-американ-

ских отношений с точки зрения решения проблем разрядки международной напряженности были владивостокская встреча (ноябрь 1974 г.) и встреча в Хельсинки во время подписания Заключительного акта Сопровождающего документа по безопасности и сотрудничеству в Европе (июль 1975 г.) между Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым и президентом США Дж. Фордом. Владивостокская договоренность установила равные уровни стратегических носителей-ракет (пусковых установок МБР и БРПЛ) и тяжелых бомбардировщиков (по 2400) и уровни качественных ограничений (по 1320 ракет с разделяющимися головными частями), реализовав на практике принцип равенства и одинаковой безопасности, а в Заключительный акт были включены положения, способствующие военной разрядке в Европе.

Президент США Дж. Форд не внес принципиальных изменений во внешнюю и военную политику США, хотя понятие «доктрина Форда» существует в международном политическом лексиконе. 7 декабря 1975 г., сразу после визита в Китай, Индонезию и на Филиппины, он выступил в Гонолулу (Гавайские острова) с речью, в которой была провозглашена «тихоокеанская доктрина» США. В задачу настоящего обзора не входит развернутое рассмотрение всех положений «доктрины Форда»². Здесь целесообразно лишь отметить, что во многих отношениях она близка к «доктрине Никсона», ее отличия связаны с повышением роли американской силовой политики в Восточной Азии в послевьетнамский период, подчеркиванием возросшей роли Японии в этом регионе и попыткой пачать более активное использование «китайской карты» в азиатской политике США.

Что же касается европейской политики США, то она раскрыта в ряде выступлений Дж. Форда, и в частности в его речи в Брюсселе 29 мая 1975 г., в которой был сделан упор на повышение военного потенциала НАТО и содержался призыв к вовлечению в эту организацию Испании³.

1976 год прошел в США в сложной и острой борьбе за президентство. Будучи и сам достаточно консервативным политическим деятелем, Дж. Форд столкнулся в своей партии с конкурентом — Р. Рейганом, что во многом определило его линию во внешней политике и по вопросу разрядки в американско-советских отношениях. Не сумев занять принципиальную реалистическую позицию по этому вопросу, Дж. Форд резко положил руль вправо, заявив, что отказывается употреблять в политическом лексиконе слово «разрядка» (объясняя это «семантическими» причинами) и вводит вместо этого понятие «мир на основе силы», т. е. возвращается

² Подробнее см.: Политика США в Азии / Под ред. В. А. Кременюка, В. П. Лукича, В. С. Руднева. М., 1977.

³ Ford G. The North Atlantic Alliance.— Vital Speeches of the Day, 1975, 15 Jun., p. 514—516.

в определенной степени к обанкротившейся в прошлом «политике с позиции силы».

В военной политике США Дж. Форд осуществил ряд практических мер в направлении реализации этой концепции. В основном это касалось американских сил общего назначения. За счет изменения соотношения между боевыми и обеспечивающими компонентами (без увеличения общей численности вооруженных сил) число регулярных дивизионных эквивалентов армии и авиакрыльев ВВС увеличивалось примерно на 20% (число дивизий армии — с 13 до 16, а авиакрыльев ВВС — с 22 до 26). С 1976 г. военный бюджет США стал расти не только в текущих, но и в постоянных ценах на 2—3% в год с целевой установкой реального его увеличения на 5—6% ежегодно.

Добившись летом 1976 г. выдвижения своей кандидатуры в президенты на съезде республиканской партии, Дж. Форд столкнулся с избирательной платформой Дж. Картера, который критиковал военную политику США с либеральных позиций, обещая сократить военный бюджет на 5—7 млрд. долл., способствовать более быстрому прогрессу на переговорах по дальнейшему ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений США и СССР, ускорить процесс ядерного разоружения и т. п. Дж. Форд пытался перестроиться, показать достижения администрации в области ограничения вооружений, занять более реалистическую позицию по вопросу пресловутой «советской военной угрозы», однако вернуть внешнюю политику на правильный курс ему не удалось, что, безусловно, сыграло немаловажную роль в его поражении на президентских выборах, тем более что перевес Дж. Картера был минимальным (соответственно 51 и 49% голосов избирателей).

Рассмотрение итогов внешней и военной политики администрации Дж. Картера, естественно, выходит за рамки настоящего обзора. В общем же можно лишь отметить, что основные внешнеполитические и военно-политические концепции внешнеполитической доктрины «разделенной ответственности» и военно-политической стратегии «реалистического сдерживания» (хотя сами эти термины практически вышли из употребления в политическом лексиконе на правительственном уровне) сохранились. С приходом к власти Дж. Картера его помощником по вопросам национальной безопасности стал З. Бжезинский, и в политике США все большее место стали занимать антисоветские идеологические мотивы. Была развернута широкая кампания идеологических диверсий под прикрытием ярлыка борьбы «за права человека», предпринимались попытки вмешательства во внутренние дела Советского Союза и других социалистических стран, более беззастенчивого «разыгрывания китайской карты» с целью оказания давления на Советский Союз. По вопросу дальнейшего ограничения стратегических наступательных вооружений был взят курс на ревизию владивостокской договоренности 1974 г., основанной на принципе равенства и одинаковой безопасности, на проведе-

ние таких «сокращений» стратегических ядерных вооружений, которые давали бы односторонние военные преимущества США и их союзникам и были бы выгодны Китаю. Все это отрицательно сказалось на советско-американских отношениях. Потребовались большие усилия советской стороны, чтобы вернуть советско-американские переговоры в реалистическое русло и добиться принципиального решения сложных вопросов (такого, например, как стратегические крылатые ракеты) на принципе сдержанности, равенства и одинаковой безопасности.

В июне 1979 г. в Вене состоялась советско-американская встреча на высшем уровне и были подписаны Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений и относящиеся к нему документы⁴. Это был важный шаг на пути решения проблемы военной разрядки в советско-американских отношениях.

Однако реакционные круги в США в течение ряда лет до подписания этого договора и после его подписания вели и ведут ожесточенную борьбу против разрядки международной напряженности и улучшения советско-американских отношений. Это проявилось в решениях глав государств — членов НАТО в 1977 и 1978 гг. о наращивании военных бюджетов этого блока, а также решения, принятого в декабре 1979 г. о развертывании в ряде стран Западной Европы 572 новых, увеличенной дальности баллистических ракет «Першинг-2» и крылатых ракет, нацеливаемых на территории наших союзников по Варшавскому Договору и Советского Союза.

Еще более резкий поворот администрации США в сторону возрождения «холодной войны» был сделан в начале 1980 г., при этом в качестве предлога использовалось оказание военной помощи Советским Союзом правительству Афганистана для отражения подрывных действий контрреволюционных сил, действующих с территории Пакистана и поддерживаемых США, Англией, Китаем. В президентском послании «О положении страны» от 23 января 1980 г., проникнутом духом «холодной войны», откровенно заявлено о претензии США «на лидирующую роль в мире», под которой понимается намерение Вашингтона диктовать свои условия в любом регионе, любому государству, а в тех случаях, когда администрация США сочтет это целесообразным, применять любые средства, в том числе оружие, для противодействия национально-освободительным, революционным, всем прогрессивным движениям. Дж. Картер сообщил, что полные, обязывающие полномочия Пентагону на 1981 финансовый год определены в сумме свыше 158 млрд. долл. — на 5% больше в реальном выражении, чем ассигнования на 1980 г. В послании обосновывался ряд враждебных мер, предпринятых против Советского Союза администрацией Картера в связи с событиями в

⁴ Правда, 1979. 19 июня.

Афганистане, в нарушение принятых Соединенными Штатами договорных обязательств⁵.

Следующий важный круг американских документов, в которых рассматриваются вопросы военной политики США, — это ежегодные доклады министров обороны конгрессу, начало которым было положено Р. Макнамарой.

Во-первых, следует отметить, что это документы в принципе политические, цель которых — обоснование относительно больших военных бюджетов мирного времени (в современных условиях 5—6% валового национального продукта и 23—24% федерального бюджета) перед конгрессом и общественным мнением США.

Во-вторых, необычная на первый взгляд открытость рассмотрения военных проблем, стратегических концепций, важнейших программ разработки и развертывания систем оружия и ассигнований на их реализацию также имеет свое объяснение. Считается, что военные усилия США, их финансовые и научно-технические возможности таковы, что в целом их не может повторить ни одна страна. И поскольку главный интерес правящего класса США состоит в сохранении капиталистического статус-кво в стране и у американских союзников и в расширении экономической экспансии (многонациональные корпорации получают около трети всех прибылей США от капиталовложений за границей), то главная задача вооруженных сил США — это оказание политического воздействия на вероятного противника, а в мирное время это можно сделать только посредством рекламы, т. е. показа (по возможности всестороннего и доказательного) американского военного потенциала. Поэтому доклады министров обороны США имеют также внешних адресатов, и их роль в этом отношении весьма важна, поскольку ясно, что с такими документами знакомятся как союзники, так и возможные противники США.

И наконец, в-третьих, считается, что некоторые минусы раскрытия механизма военных приготовлений США перекрываются плюсами, которые правящим кругам дает критика военной политики как со стороны либеральных, так и со стороны консервативных кругов США, а также комментарии со стороны их союзников и потенциальных противников.

Ввиду очень большого объема информации, содержащейся в ежегодных докладах министров обороны, не представляется возможным всесторонне рассмотреть даже главные проблемы военной политики США в 70-е годы, обсуждавшиеся в докладах. Более правильной в данном случае будет попытка дать общую сравнительно-эволюционную характеристику подходов министров обороны к политике США в области вооружений в 60—70-е годы.

С 1961 г. пост министра обороны США занимали семь политических деятелей: Р. Макнамара (1961—1968), К. Клиффорд (1968—1969), М. Лэйрд (1969—1973), Э. Ричардсон (1973), Дж. Шлесинджер (1973—1975), Д. Рамсфелд (1975—1976) и

Г. Браун (с 1977 г.). Если дать общую оценку политической роли министров обороны США во внешней, внутренней и военной политике, то с точки зрения влияния личных взглядов на военную политику выделяются Р. Макнамара, Дж. Шлесинджер, Г. Браун. Что же касается М. Лэйрда, возглавлявшего Пентагон в важный переходный период от стратегии «гибкого реагирования» к стратегии «реалистического сдерживания», то, отличаясь крайне реакционными внешнеполитическими взглядами (доказательством чего служит его последующая деятельность в качестве редактора журнала «Ридерс дайджест» и его выступления по вопросам военной разрядки с крайне антисоветских позиций), он вполне «дисциплинированно» проводил в жизнь линию Р. Никсона и Г. Киссинджера на сокращение военного бюджета и численности вооруженных сил и лишь в конце своей деятельности на посту министра обороны в 1972 г., после подписания советско-американского Договора о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, позволил себе «недисциплинированность», заявив, что не одобрит подписанные президентом в Москве соглашения, если конгресс не выделит запрошенного Пентагоном увеличения ассигнований на новые стратегические системы оружия «Трайидент» и Б-1. К. Клиффорд и Э. Ричардсон занимали посты министров обороны всего по одному году и не выдвигали сколько-нибудь заметных новых стратегических концепций, а Д. Рамсфелд, находившийся на этом посту полтора года, по существу лишь развивал концепции Дж. Шлесинджера.

Поскольку взгляды Р. Макнамары служили исходными позициями для перехода в 70-е годы к стратегии «реалистического сдерживания», есть основания более подробно рассмотреть их на примере его последнего доклада и книги «Сущность безопасности», вышедшей после его ухода с поста министра⁶.

Оценивая свою политику на посту министра обороны, Р. Макнамара отмечал, что инструкции, полученные им от президентов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, были простыми — делать все что нужно для обороны без определенных бюджетных ограничений, но с максимальной экономической эффективностью. Будучи президентом автомобилестроительной корпорации Г. Форда до прихода в Пентагон, Р. Макнамара перенес в это министерство методы централизованного авторитарного управления крупных американских корпораций, оптимизированные по критериям «стоимости — эффективности». Не препятствуя Комитету начальников штабов подавать заявки на рост вооруженных сил в любых размерах, он создал собственный «генеральный штаб» в виде

⁵ Правда, 1980, 29 янв.

⁶ *McNamara R.* Statement of Secretary of Defense before the Senate Armed Services Committee on the Fiscal Years 1969—73. Defense Program and 1969 Defense Budget.— *Naval Review*, 1969, p. 346—477; *Idem.* The Essence of Security. New York; Evanston; London, 1968.

управления системного анализа во главе с видными экономистами Ч. Хитчем и А. Энтховеном и постепенно взял на себя многие прерогативы председателя Комитета начальников штабов.

Если попытаться оценить в общем деятельность Р. Макнамара, то, во-первых, она проходила в условиях постоянного и весьма значительного роста военного бюджета и численности вооруженных сил в соответствии с концепциями «стратегического ядерного превосходства» и подготовки к «двум с половиной войнам» стратегии «гибкого реагирования», во-вторых, на его деятельность все большее влияние оказывала война во Вьетнаме, создававшая большие трудности и для самого Р. Макнамара с точки зрения его отношений с конгрессом, президентом и Комитетом начальников штабов, и, в-третьих, в ней были значительные элементы реализма, проявившиеся в сдержанности по отношению к развертыванию в США систем ПРО и в стремлении к стабильности развития стратегических наступательных вооружений и их соразмерности с советскими стратегическими ядерными вооружениями. Таким образом, учитывая роль Р. Макнамара в политике США, его никак нельзя причислить к «голубям». Более того, его определенно можно отнести к «ястребам» среди руководителей Пентагона, поскольку в период его деятельности военный бюджет и численность вооруженных сил США увеличились в полтора раза, их боевая эффективность по крайней мере удвоилась, а агрессивная война во Вьетнаме, в которой принимало участие свыше полумиллиона вооруженных сил США, достигла апогея. Тем не менее справедливости ради следует отметить его реализм в развитии стратегических ядерных сил США, осознание недостижимости в конечном итоге стратегического ядерного превосходства над Советским Союзом и важности понимания роли стратегических ядерных вооружений, главным образом как средства взаимного сдерживания неограниченной ядерной войны между США и СССР.

В последнем докладе Р. Макнамара утверждал: «Я полагаю, все мы можем согласиться, что краеугольным камнем нашей стратегической политики должно быть сдерживание преднамеренного ядерного удара по Соединенным Штатам или их союзникам... Занимаясь этой проблемой последние семь лет, я убежден, что наши силы должны быть достаточными с точки зрения обеспечения возможности „гарантированного уничтожения“. Под этим я понимаю способность в любое время и при всех мыслимых условиях нанести неприемлемую степень ущерба любому агрессору или комбинации агрессоров — даже после их неожиданного удара» (р. 412).

Анализируя проблему степени неприемлемого ущерба применительно к сдерживанию Советского Союза и Китая (р. 415), Р. Макнамара пришел к выводу, что по отношению к Советскому Союзу угроза уничтожения ответным ударом от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ населения и $\frac{1}{2}$ промышленного потенциала будет служить эффективным «сдерживанием». Что же касается Китая, то, поскольку

его возможности нанесения ядерного удара по США будут весьма ограничены, но крайней мере в 70-е годы, постольку способность с помощью весьма малой части американских стратегических ядерных сил уничтожить 50 крупных городов, т. е. половину городского населения и более половины промышленного потенциала, а также большей части правительственного, технического и административного персонала, будет служить эффективным сдерживанием преднамеренного ядерного удара по США.

Представляет интерес и оценка Р. Макнамарой роли ограниченной, так называемой «тонкой» системы ПРО «Сентинел». «Как я отмечал в прошлом году, — заявлял Р. Макнамара, — Китай может приобрести начальные возможности МБР в первой половине и умеренные силы в середине 70-х годов. С учетом последующего их роста развертывание тонкой системы ПРО с некоторыми дополнениями и усовершенствованиями могло бы быть высоко эффективным в середине 80-х годов. Способность тонкой ПРО ограничить ущерб нашего государства, в случае если наши наступательные силы не сдержат „иррационального“ агрессора, легла в основу нашего решения развернуть такую систему» (р. 414).

Некоторые проблемы военной политики США раскрыты в докладе министра обороны США К. Клиффорда в военном бюджете 1970 финансового года и военной программе 1970—1974 гг.⁷ В частности, в докладе говорилось, что за период 1948—1968 гг. стоимость военной помощи США составила 45 млрд. долл., при этом резко изменился ее характер. Если в 1953 г. безвозмездные поставки вооружения достигали 4,2 млрд. долл., то в 1969 финансовом году они составили 525 млн. долл. (р. 368).

В докладе рассматривалась проблема роста ядерного потенциала КНР. Отмечалось, что с 1964 по 1969 г. Китай произвел восемь ядерных испытаний, в том числе два испытания зарядов мощностью по 3 мвт. По оценке К. Клиффорда, начало развертывания МБР в Китае намечалось на середину 70-х годов (р. 372).

Проблеме стратегических ядерных концепций и развития стратегических сил США уделено соответствующее место в докладе. Отмечалось стремление США сохранить превосходство по числу обеспеченных доставкой стратегических ядерных зарядов (как и в докладе Р. Макнамары) и общей боевой эффективности стратегических наступательных сил и в то же время признавалось, что на уровне неограниченной ядерной войны оно не имеет реального политического значения и не может быть использовано для победы.

По вопросу «ограничения ущерба» от советских стратегических ядерных вооружений говорилось, что, пока не появятся возможности создания в США эффективной системы ПРО, «наша главная надежда ограничить ущерб в случае начала ядерной

⁷ Clifford C. The 1970 Defense Budget and Defense Program for Fiscal Years 1970—74. — Naval Review, 1970, p. 356—457.

войны состоит в том, что ее удастся остановить до нанесения неограниченного удара по нашим городам. И мы стараемся обеспечить нашим силам возможность их использования также в целях ограниченного и контролируемого возмездия...» (р. 373).

В докладе содержались также некоторые нюансы стратегической военной политики США по отношению к КНР. «В свете прогресса китайских коммунистов в области ядерного оружия и ракетных систем доставки,— отмечал Г. Клиффорд,— и учитывая нынешнюю враждебность китайского руководства по отношению к Соединенным Штатам, мы полагаем, что с нашей стороны разумно и осуществимо развернуть систему ПРО „Сентинел“, предназначенную для защиты от этой угрозы. Более того, мы полагаем, что наличие у нас такой системы обеспечит более твердые гарантии нашим союзникам в Азии в том, что мы готовы их защитить от попыток ядерного шантажа со стороны Китая, и это поможет нам убедить их в том, что создание собственного ядерного оружия не требуется для их безопасности» (р. 375).

В последующем, в период пребывания на посту министра обороны М. Лэйрда, было принято решение о переходе к системе «Сейфгард», отличавшейся от системы «Сентинел» некоторыми техническими деталями (отнесением компонентов ПРО от крупных городов и дополнительной функцией защиты баз наземных МБР «Минитмэн»), а затем об отказе от нее в результате советско-американских переговоров об ограничении стратегических вооружений.

О взглядах М. Лэйрда на военную политику США можно судить по его двум последним докладам⁸. В целом все его доклады служили развитием концепций Р. Никсона, изложенных в упомянутых внешнеполитических докладах; в них лишь давалось более развернутое толкование военно-политической стратегии «реалистического сдерживания» и развитие стратегических ядерных сил приводилось в соответствии с заключенными в 1972 г. советско-американскими соглашениями об ограничении стратегических вооружений. Реализация концепции подготовки к «полутора войнам» и «вьетнамизация» войны в Юго-Восточной Азии привели к тому, что численность регулярных вооруженных сил США с 1968 по 1973 г. сократилась с 3,5 млн. до 2,4 млн., а военный бюджет — с 9,5 до 7% валового национального продукта (р. 5, предпоследний доклад).

Предпоследний доклад М. Лэйрда (а по существу его последний ежегодный доклад, поскольку следующий доклад о военном бюджете на 1974 финансовый год уже являлся докладом Э. Ричардсона) был подготовлен незадолго до визита Р. Никсона в Москву в 1972 г., и в нем отразились противоречивые тенденции в военной политике США, в частности явно просматривалось желание Пентагона сохранить систему ПРО «Сейфгард» (р. 66, 76—78), ускорить создание новых стратегических систем оружия «Трайидент» и Б-1 и начать разработку стратегических крылатых ракет.

В плане организационных мероприятий Пентагона обращает на себя внимание повышение роли Комитета начальников штабов в строительстве вооруженных сил, однако в рамках исходных бюджетных ограничений, установленных президентом Р. Никсоном. В самом же Управлении министра обороны получила распространение так называемая методика «итоговой оценки» — ежегодного сравнительного комплексного анализа военных, научно-технических, политических и экономических факторов с точки зрения наиболее эффективного использования выделяемых ресурсов, т. е. их оптимизации по критерию максимальной боевой эффективности (р. 26).

Вклад Э. Ричардсона в военную теорию и практику США еще более ограничен. Его доклад⁹ подготовлен после подписания в 1972 г. важных советско-американских соглашений об ограничении стратегических вооружений, меньше по объему (125 страниц; в предшествующем докладе М. Лэйрда о военном бюджете 1973 финансового года 203 страницы), и в нем в основном опущены вопросы стратегической теории и толкования понятий стратегии «реалистического сдерживания». В докладе отмечалось, что переходный период в военной политике США закончился, что союзники США по НАТО внесли свой вклад во внешнеполитическую доктрину «разделенной ответственности» и в концепцию «совокупных сил» стратегии «реалистического сдерживания», увеличив свои военные расходы в реальном исчислении на 30% с 1970 по 1973 г., в США в 1974 финансовом году сократили военные расходы в постоянных ценах на 30% по сравнению с 1968 г. и на 10% по сравнению с 1964 финансовым годом (р. I, 4). Общее количество рабочей силы, занятой в военном секторе экономики, уменьшилось до 5,1 млн. по сравнению с 8 млн. и 6 млн. соответственно. Таким образом, доля военных расходов от валового национального продукта (ВНП) в 1974 финансовом году составила 6% по сравнению с 9,4 и 8,3% в 1968 и 1964 гг. (р. 7—8).

Что же касается стратегических ядерных концепций, то, как отметил Э. Ричардсон (р. 27), они анализировались с учетом достижения примерного равенства с Советским Союзом в связи с подписанием соглашений об ограничении стратегических вооружений и требованиями президента США Р. Никсона повысить гибкость использования стратегических сил в условиях ядерной войны.

Эта проблема нашла достаточно обстоятельное освещение и вызвала широкий политический резонанс в связи со взглядами следующего министра обороны США Дж. Шлесинджера, изложенными в его ежегодных докладах и выступлениях.

⁸ *Laird M.* Annual Defense Department Report FY 1973. Washington, 1972; *Idem.* Final Report to the Congress before the House Armed Services Committee, Jan. 8, 1973. Washington, 1973.

⁹ *Richardson E.* Statement before the Committee on Appropriations House of Representatives Subcommittee on Department of Defense on the FY 1974 Defense Budget and FY 1974—78 Program. Washington, 1973.

Прежде всего надо иметь в виду, что в отличие от многих других министров обороны Дж. Шлесинджер пришел в Пентагон подготовленным стратегом-теоретиком. До того как перейти на высокие государственные посты (в Административно-бюджетном бюро, в качестве председателя Комиссии по атомной энергии, директора ЦРУ и министра обороны), он в течение ряда лет был руководителем стратегического отдела в «РЭИД корпорейшн», обстоятельно занимался проблемами ядерной стратегии и на его взгляды оказали большое влияние в своей основе консервативно-технократические военно-стратегические и технико-экономические концепции системного анализа, моделирования военных операций зачастую в отрыве от многофакторных политических реальностей. В этой связи понятен его конфликт с Г. Киссинджером по проблемам разрядки международной напряженности, американо-советских отношений, подходов к дальнейшему ограничению стратегических наступательных вооружений. Это в первую очередь относилось к проблемам ядерной войны и мира, к тем концепциям повышения гибкости стратегических ядерных сил США, степени их превосходства на более низких уровнях эскалации ядерной войны, которые в печати получили название «доктрины Шлесинджера», о которых туманно говорилось Р. Никсоном и его министрами обороны до Дж. Шлесинджера и которые получили неблагоприятный для правящих кругов США международный политический резонанс, явно показав стремление США к стратегическому ядерному превосходству и нарушению принципа равенства, что и явилось основной причиной отставки Дж. Шлесинджера в 1975 г. и замены его Д. Рамсфелдом.

В развернутом виде стратегические концепции Дж. Шлесинджера были впервые изложены в его докладе о военном бюджете на 1975 финансовый год¹⁰. В целом, если сравнивать подход Дж. Шлесинджера и Р. Макнамары к военной стратегии США, различия в основном связаны с пониманием сути теории сдерживания (устрашения ответным ударом) и провозглашением большей «гибкости ответных реакций» стратегических ядерных сил в условиях уменьшения степени стратегического ядерного превосходства США и приобретения Советским Союзом новых, более разнообразных стратегических ядерных возможностей, другими словами, с понижением порога эскалации конфликта, при котором стратегические ядерные силы могут быть использованы в войне.

В более конкретном плане Дж. Шлесинджер в докладе о военном бюджете 1975 финансового года запросил дополнительные ассигнования к бюджету 1974 финансового года в размере 6,2 млрд. долл. (по категории полных обязывающих полномочий) в связи с войной на Ближнем Востоке в октябре 1973 г. и повышением денежного содержания военнослужащих и служащих министерства обороны. Что же касается военного бюджета на 1975 финансовый год, то по сравнению с 1974 г. он увеличился в текущих ценах с 87,1 млрд. до 92,6 млрд. долл., хотя, по подсчетам Пентагона, в постоянных ценах 1975 финансового года он умень-

нилась с 93 млрд. до 92,6 млрд. долл. (р. 22). Доля военных расходов от ВВП осталась на том же уровне — 5,9%, а от федерального бюджета — уменьшилась с 27,9 до 27,2% (р. 22). О том, что эти данные примерно соответствуют действительности, можно судить по изменению численности военнослужащих и служащих министерства обороны США в 1974 и 1975 финансовых годах (2,174 и 2,152 млн. и 1,029 и 1,028 млн. соответственно) (р. 237).

В разделе «Стратегические силы» Дж. Шлесинджер, обратив внимание на то, что по сравнению с 1964 г. удельный вес этой программы в военном бюджете США в 1975 г. снизился с 16,8 до 8,2% (8,5 млрд. и 7,6 млрд. долл.), подчеркнул особую значимость для США этой категории вооруженных сил.

Перейдя к теории ядерного сдерживания, Дж. Шлесинджер рассмотрел предыдущую концепцию. «Концепция, которая преобладала в нашей риторике в большую часть послевоенного периода, — отметил он, — состояла в массированном возмездии по городам, что впоследствии получило название гарантированного уничтожения. Вряд ли нужно подчеркивать, что в простоте этой концепции заключена определенная ужасающая элегантность (р. 33)... Концепция гарантированного уничтожения обладает многими привлекательными достоинствами с точки зрения ограничения размеров стратегических наступательных сил... В то время как сдерживание является нашей фундаментальной целью, мы не можем полностью исключить возможность того, что сдерживание не сработает (р. 27)... Я должен также подчеркнуть, что только в процессе анализа, почему и как сдерживание может не сработать, мы можем прийти к суждению об адекватности наших планов и программ, обеспечивающих сдерживание. И с самого начала такого анализа становится очевидно, что существует много других вариантов, в которых враг сможет использовать или угрожать использовать стратегические силы для получения важного выигрыша или уступок. Отсюда следует, что наши стратегические силы и доктрина для успешного сдерживания должны исходить из широкого диапазона возможностей» (р. 28).

Интересно также отметить что Дж. Шлесинджер впервые в этом докладе ввел в оборот понятие «эквивалентный мегатоннаж» как критерий сравнения стратегических ядерных сил США и СССР (р. 28, 43). Кроме того, он ввел еще одно понятие в качестве критерия сравнения этой категории сил. «Более равноправным и стабильным решением вопроса, — отмечает он, — было бы такое решение, при котором обе стороны сохранили бы выживаемые резервы второго удара, которые обладали бы симметрией способности каждой стороны угрожать другой и при которой существовало бы ясно осознаваемое равенство между наступательными силами обеих сторон» (р. 44).

¹⁰ *Schlesinger J. Report to the Congress on the FY 1975 Defense Budget and FY 1975—1979 Defense Program. Washington, 1974.*

Другими словами, вместо того чтобы подчеркивать и усиливать мотивы недопустимости ядерной войны, Дж. Шлесинджер пытался рассуждать о ее возможности и искал более выгодную позицию после получения ядерного удара по собственным стратегическим силам. Политическая несостоятельность такого подхода состоит в логическом признании мыслимости ограниченной стратегической ядерной войны, возможности войны с использованием оперативно-тактического ядерного оружия и тем более без применения ядерного оружия, в то время как основные интеллектуальные усилия теоретиков международных отношений должны быть направлены на поиски путей разрядки международной напряженности, ограничения и сокращения вооружений, прежде всего ядерных.

Во втором ежегодном докладе о военном бюджете 1976 финансового года¹¹, понимая, что как бы то ни было, но своими рассуждениями он понизил порог использования стратегических ядерных сил, Дж. Шлесинджер сделал упор на повышение порога использования оперативно-тактического ядерного оружия, заявив, что «наиболее эффективный способ повысить ядерный порог — это увеличение эффективности и боеготовности наших неядерных сил» (р. II-6).

Понятно, что на спижение накала бумажной стратегической ядерной войны Дж. Шлесинджера повлияла владивостокская договоренность, достигнутая в поябре 1974 г., однако, обвинив прогрессивных ученых США в недопонимании сложностей проблем ядерной стратегии, он снова призвал к «совершенствованию» современного ядерного сдерживания по всему спектру ядерных угроз (р. II-6).

Им же выдвинуты критерии определения «достаточности» стратегических сил США по отношению к стратегическим силам СССР как «равенства по существу», суть которых состояла в поисках возможностей сохранить и усилить стратегическое ядерное превосходство США в сценариях так называемого «контрсилового использования» (по военным объектам) стратегических ядерных сил на уровнях ниже неограниченной ядерной войны (р. I-13).

С 1976 финансового года начался рост американского военного бюджета в сопоставимых показателях на 2—3% в год, и американский военный бюджет по категории полных обязывающих полномочий превысил 100 млрд. долл. На 20% было увеличено число регулярных дивизий армии США, началось реальное количественное наращивание самолетов и кораблей сил общего назначения (р. Д-2), а также впервые отчетливо стала прослеживаться тенденция на раздувание мнимой «советской военной угрозы», поскольку, по оценке Дж. Шлесинджера, Советский Союз якобы превосходил США по всем категориям военных расходов (по НИОКР — на 20%, по силам общего назначения — на 20, по заказам вооружения и техники — на 25 и по расходам на стратегические наступательные силы — на 60%) (р. I-5).

Концепция «ограниченной стратегической ядерной войны» Дж. Шлесинджера и его меры по повышению гибкости перенацеливания стратегических ракет вызвали беспокойство и в конгрессе США. В сентябре 1974 г. подкомиссия по контролю над вооружениями, международному праву и организации комиссии по иностранным делам сената США провела секретное заслушивание министра обороны Дж. Шлесинджера, несекретная запись которой была опубликована в январе 1975 г.¹² Критикуя взгляды последнего, сенатор К. Кейс резонно заметил, что его подход меняет философию немыслимости такой войны и «предлагаемая стратегия сделает более вероятным использование стратегического ядерного оружия... и будет провокационной в понимании русских» (р. 41).

Эта тенденция, связанная с креном вправо всей внешней политики президента Дж. Форда в 1975 и 1976 гг., нашла дальнейшее развитие в докладах следующего министра обороны США, Д. Рамсфелда. Так, в первом докладе о бюджете на 1977 финансовый год¹³ он заявил, что если бы США тратили на военные цели такой же процент от ВВП, как и Советский Союз, то их военные расходы составили бы 200 млрд. долл. (р. 3). Поражение марионеточного режима в Южном Вьетнаме в мае 1975 г. засвидетельствовало провал политики «вьетнамизации» войны в Юго-Восточной Азии и возрождение интервенционистских тенденций в США, повышение упора на военную силу в международных отношениях и роли военной силы США для защиты глобальных интересов американских правящих кругов (р. 2).

В качестве главных регионов в концепции подготовки сил общего назначения США выделены Западная Европа, Северо-Восточная Азия и Ближний Восток, т. е. дано более расширительное толкование концепции «полутора войн» (р. 5), хотя увеличение числа дивизий армии США и авиакрыльев оперативно-тактической авиации ВВС примерно на 20% объяснялось в основном требованиями якобы «возросшей советской военной угрозы» в Европе, где численность американской армии увеличивалась на две бригады (р. 9).

Общим спекулятивным подходом завышать советские оборонные возможности, создавая мифы о «растущей советской военной угрозе», отмечены и другие разделы доклада. Оценивая баланс войск стран НАТО и Варшавского Договора в Центральной Европе, Д. Рамсфелд настаивал на превосходстве социалистических стран на 150 тыс. военнослужащих сухопутных войск и на

¹¹ Schlesinger J. Report to the Congress on the FY 1976 and Transition Budgets, FY 1977 Authorization Request and FY 1976—1980 Defense Programs. Washington, 1975.

¹² Briefing by Secretary of Defense J. R. Schlesinger on Casualties and Destruction Expected to Result from So-called Nuclear Counterforce Attacks against Military Installations in the United States. Washington, 1975.

¹³ Rumsfeld D. Annual Defense Department Report FY 1977. Washington, 1976.

10 тыс. танков (р. 8), что являлось искажением истины и не соответствовало официально представленным социалистическими странами данным¹⁴ и даже многим оценкам западных центров стратегического анализа.

В докладе подробно излагалась (р. 11—13) «тихоокеанская доктрина» Дж. Форда, отмечалось, что определяющим моментом при этом являются экономические интересы американского монополистического капитала в Азии («наша торговля с этим регионом увеличивается ежегодно более чем на 30%, и в 1975 г. ее объем достиг 46 млрд. долл.» — р. 12).

В отношении концепций развития стратегических ядерных сил в докладе подчеркивалась приверженность взглядам Дж. Шлесинджера (р. 18), суть которых состояла в стремлении к стратегическому ядерному превосходству, к повышению эффективности использования этих сил по военным объектам, в том числе взрывостойким, главным образом за счет повышения точности стратегического оружия.

В теоретическом разделе доклада (р. 56—59) Д. Рамсфелд пошел даже дальше Дж. Шлесинджера и ввел новое понятие — «гарантированное возмездие». Начав с того, что в случае «массированного контрсилового удара» по стратегическим силам США ответный удар со стороны Соединенных Штатов будет направлен преимущественно по военным объектам, и отойдя от проблемы «сдерживания», он нарисовал картину истинного предназначения стратегических ядерных сил США, которую трудно отделить от концепции «обезоруживающего первого удара» (р. 57). «Поскольку проблема гибких ответных ударов мало обсуждалась публично, — заявил Д. Рамсфелд, — то существует мнение, что для стратегических сил имеются только две категории целей: города и стратегические силы противника... Однако перечень целей никогда не был ограниченным... МБР могут наносить удары по радиолокационным станциям, укрытиям подводных лодок, командным бункерам, складам ядерного оружия, аэродромам или расквартированным дивизиям... Многие из них расположены в отдалении от крупных городов... Не исключено использование ракет для ответного удара по пустым шахтам МБР (с целью недопущения их перезарядки), аэродромам стратегической авиации и базам ракетных подводных лодок» (р. 58).

Второй доклад Д. Рамсфелда о военном бюджете на 1978 финансовый год¹⁵ был последним докладом республиканской администрации Дж. Форда. В нем еще больший акцент был сделан на пресловутой «советской военной угрозе», давалось обоснование роста военного бюджета США. В принципе он мало чем отличался от предыдущего доклада. По оценкам этого доклада, военный бюджет США в реальном исчислении должен был расти на 5—6% в год и составить в 1978 финансовом году 123,2 млрд. долл. по категории полных обязывающих полномочий и 110,1 млрд. долл. по планируемым фактическим расходам, а в 1982 финансовом году достичь 166,8 млрд. долл. (р. 4).

С 1978 финансового года было запланировано увеличение запрашиваемых военных расходов в федеральном бюджете с 23,9 до 25%, а увеличение военного сектора экономики в общей рабочей силе с 5 до 5,1% (р. 5).

Курс на подхлестывание гонки вооружений, на возвращение США к политике периода «холодной войны», на поддержку с помощью военной силы экономической и идеологической экспансии их правящих кругов, на спекулирование ростом вымышленной «советской военной угрозы» особенно отчетливо виден в упомянутом докладе Д. Рамсфелда, выпущенном в январе 1977 г., за месяц до его ухода с этого поста. «Некоторые могут сказать, — заявил он, — что такие слова, как „холодная война“, звучат риторически. Я же рассматриваю их как истину, и мы лучше послушаем нашим идеалам, если будем говорить правду» (р. 6).

Подчеркнув, что уровень товарооборота внешней торговли США в 1976 г. вырос до 244 млрд. долл. (р. 7), «оценив» советские оборонные расходы в 1978 г. в 160 млрд. долл. (р. 3) и посетовав на то, что из 140 государств — членов ООН только 13 твердо выступают на стороне Соединенных Штатов, Д. Рамсфелд призвал к резкому наращиванию военных приготовлений США и их союзников.

Развивая концепции Дж. Шлесинджера о приемлемости стратегической ядерной войны между США и СССР, он дал название новой концепции развития и использования стратегических ядерных сил. Вместо концепции сдерживания такой войны посредством «гарантированного уничтожения» противника ответным ударом полной мощи Д. Рамсфелд предложил концепцию, или, как он ее назвал, «стратегию гибкого ядерного реагирования» (р. 78), заявляя одновременно, что «Соединенные Штаты никогда не исключали использование ядерного оружия первыми» (р. 80).

Заменив понятие «гарантированное уничтожение» на «гарантированное возмездие», имея в виду при этом большую селективность (контролируемость) ударов США и направленность их главным образом на военный потенциал противника, он ввел и несколько иной, чем раньше, критерий превосходства США. «Современные цели планирования министерства обороны ясны. Мы полагаем, что наши стратегические силы должны быть непосредственно нацелены на значительную часть вооруженных сил и важные промышленные объекты и что важной задачей «гарантированного возмездия» должно быть недопущение возможности СССР восстановить свой потенциал после ядерного обмена и ста-

¹⁴ Официальные цифры, представленные сторонами, показывают, что в вооруженных силах НАТО в Центральной Европе на 1 января 1976 г. насчитывалась 981 тыс. человек, а у стран Варшавского Договора — 987,3 тыс. См.: Правда, 1978, 20 нояб.

¹⁵ *Rumsfeld D.* Report to the Congress on the FY 1978 Budget, FY 1979. Authorization Request and FY 1978—1982 Defense Program. Washington, 1977.

тус военной и промышленной державы XX века быстрее, чем Соединенным Штатам» (р. 68). Для этой цели, отмечал Д. Рамсфелд, «необходимо более специфические и точно обозначенные точки нацеливания, особенно для зарядов малого мегатоннажа, находящихся теперь на вооружении стратегических сил. Число таких целей может быть существенным, поскольку низкие уровни ущерба не обязательно сдержат отчаянное руководство противника, в то время как высокие уровни ущерба и малая вероятность возрождения сдержат» (р. 69).

В заключение обзора взглядов министров обороны на военно-политическую стратегию и политику США в области вооружений целесообразно рассмотреть взгляды министра обороны в администрации Картера Г. Брауна.

После победы Дж. Картера на президентских выборах в ноябре 1976 г. вокруг формирования нового правительства в США развернулась острая политическая борьба по вопросу назначения на пост министра обороны Г. Брауна или Дж. Шлесинджера. Правые круги, близкие к пресловутому «комитету по существующей опасности», настаивали на кандидатуре Дж. Шлесинджера, однако возобладал более сдержанный подход, и Дж. Картер назначил министром обороны Г. Брауна, сделав Дж. Шлесинджера своим помощником по энергетике, а затем и министром энергетики.

В феврале 1977 г. Г. Браун выступил перед конгрессом с некоторой корректировкой запроса Пентагона относительно военного бюджета на 1978 финансовый год¹⁶. Дело в том, что кандидат в президенты Дж. Картер в 1976 г. во время предвыборной кампании обещал сократить военный бюджет на 5—7 млрд. долл., отказаться от развертывания новых стратегических бомбардировщиков Б-1 и более активно добиваться соглашения с Советским Союзом о дальнейшем ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений.

Февральской корректировкой военного бюджета США на 1978 финансовый год предусматривалось сократить полные обязательства на 2,8 млрд. долл. (со 123,2 млрд. до 120,4 млрд. долл.). Вообще говоря, сокращение составило 3,4 млрд. долл., однако 0,6 млрд. было добавлено на повышение боеготовности американских войск в Европе и на военное строительство и материально-техническое обеспечение вооруженных сил США, дислоцированных на их территории. Сокращение было произведено за счет замедления темпов производства бомбардировщиков Б-1 (с 8 до 5 самолетов), разработки МБР «МХ» и некоторых других стратегических программ, а также за счет отказа от реализации или путем замедления ряда программ сил общего назначения (неядерного варианта оперативно-тактических ракет «Ланс», зенитных ракет «Хок», некоторых типов вертолетов и самолетов, ударного атомного крейсера, многоцелевых атомных подводных лодок и ракетных фрегатов). Сам по себе это, безусловно, был шаг в реалистическом направлении, но при этом следует

иметь в виду, что предыдущая администрация предложила увеличить военный бюджет за один год (с 1977 до 1978 г.) сразу на 13% (со 110,2 млрд. до 123,3 млрд. долл.), что даже с учетом инфляции означало увеличение более чем на 6%.

Первый ежегодный доклад министра обороны США Г. Брауна о военной программе 1979 финансового года опубликован в феврале 1978 г.¹⁷ Сравнение его с последним докладом Д. Рамсфелда показывает, что он написан с более сбалансированных позиций, в нем несколько снижен упор на рост «советской военной угрозы», хотя в отношении НАТО был взят курс на значительное наращивание военного потенциала США и их союзников в Европе. По категории полных обязывающих полномочий военный бюджет США был запрошен на 1979 финансовый год на сумму 126 млрд., а по планируемым фактическим расходам — на 115,2 млрд. долл., что на 6—8 млрд. меньше, чем намечалось на этот год администрацией Дж. Форда, и в реальном исчислении (с учетом инфляции) означало рост военных расходов по сравнению с 1978 финансовым годом на 2—3% (р. 12, 363).

Благодаря тому, что президент США Дж. Картер по рекомендации Г. Брауна решил отказаться от серийного производства стратегических бомбардировщиков Б-1, несколько сократился и военный бюджет 1978 финансового года (по сравнению с запросом Д. Рамсфелда на 5—6 млрд. долл.). В то же время возросли ассигнования на стратегические крылатые ракеты для бомбардировщиков Б-52 и модернизацию этих бомбардировщиков.

Несколько более трезвую позицию Г. Браун занял и по вопросу о стратегических ядерных вооружениях, заявив, что нет оснований считать, что США отстают или отстанут в ближайшем будущем от СССР, что проблема уязвимости американских МБР во многом искусственно надумана, однако, хотя и с оговорками, поддержал концепцию повышения гибкости возможного использования стратегических ядерных сил.

«В настоящее время, — говорилось в докладе Г. Брауна, — и в обозримом будущем только стратегические ядерные силы Советского Союза представляют потенциальную угрозу для Соединенных Штатов и их союзников... Крайне трудно поверить, что Советский Союз серьезно рассматривает возможность использования этих сил, и даже трудно поверить, что он вообще думает о любом применении ядерного оружия, за исключением самого серьезного кризиса.

В настоящее время Советский Союз приобретает возможности, обеспечивающие его ядерным силам некоторую гибкость, которая раньше связывалась лишь только с более традиционными

¹⁶ Brown H. Statement to the Congress on the Amendments to the FY 1978 Budget and FY 1979 Authorization Request. Washington, 1977.

¹⁷ Brown H. Department of Defense Annual Report Fiscal Year 1979. Washington, 1978.

военными возможностями. Все эти характеристики гибкости имеются и возрастают также у наших сил.

Однако эти потенциальные характеристики гибкости не изменили моего мнения, что большая термоядерная война была бы беспрецедентной катастрофой как для Советского Союза, так и для Соединенных Штатов, и нельзя сказать, что начальное использование ядерного оружия — как бы селективно оно ни направлялось — не приведет к эскалации до большой термоядерной войны... Если же такая эскалация произойдет, ее жертвы будут исчисляться десятками миллионов» (р. 53).

По вопросу ограничения стратегических наступательных вооружений Г. Браун занял позицию, близкую к той, которой американская сторона придерживалась в Москве в марте 1977 г. и направленную на получение односторонних преимуществ, на установление дополнительных ограничений на советские МБР с разделяющимися головными частями и бомбардировщики среднего радиуса действия, называемые на Западе «Бэкфайер» (р. 61). Негативную позицию занял он и по вопросу нейтронных зарядов для оперативно-тактических ракет «Ланс», заявив, что это якобы не внесет существенных изменений в баланс в Европе и повысит гибкость американского оперативно-тактического ядерного оружия (р. 72). С такой позицией никак нельзя согласиться, особенно в связи с необходимостью проявлять сдержанность в создании новых видов оружия массового уничтожения, способствуя этим решению проблемы пераспропагандирования ядерного оружия.

Во втором ежегодном докладе Г. Брауна¹⁸ были рассмотрены стратегические концепции и политика США в области вооружений на 1980 финансовый год.

По сравнению с предыдущим докладом Г. Браун пошел по пути спекулятивного завышения мнимой «советской военной угрозы». По его оценке, «Советский Союз в течение последних 15 лет увеличивал ежегодно свой оборонный бюджет в рублях на 4—5%, иначе говоря, в пересчете на доллары, на 3% ежегодно, и в 1979 г. советские военные расходы превысили американские на 25—45%» (р. 23). Такая оценка в корне расходится с публикуемыми в СССР данными о советских расходах на оборону, не соответствует действительности, не служит делу разрядки международной напряженности и по существу ничем не отличается от тенденциозных, ориентированных на реакционные политические круги США оценок Д. Рамсфелда и Дж. Шлесинджера.

В рассматриваемом докладе Г. Брауна исходя из ложных посылок о росте «советской военной угрозы» обосновывалась принятая в 1977 и 1978 гг. программа НАТО, цель которой — долгосрочное не менее чем 3-процентное реальное увеличение военных расходов этого военно-политического блока.

В докладе говорится, что в президентском бюджетном послании на 1980 финансовый год военные расходы по категории полных обязывающих полномочий предусмотрены в размере 135,5 млрд. долл., а по категории планируемых расходов —

в сумме 122,7 млрд., что должно составить рост соответственно на 1,7 и 3,1% с учетом инфляции. Фактические военные расходы в 1980 финансовом году должны составить 4,9% ВВП, 23% федерального бюджета и 15% общегосударственных расходов: федеральных, штатов и местных органов управления. Долгосрочной пятилетней военной программой США предусмотрено 3-процентное реальное увеличение военных расходов, которые по категории полных обязывающих полномочий в 1984 финансовом году должны достичь 178 млрд. долл. в текущих ценах, или 151 млрд. долл. в ценах 1980 финансового года, при этом планируемые фактические расходы намечается иметь на уровне около 4,7% ВВП (р. 24).

Такая оценка была сделана исходя из прогнозов развития международной обстановки при условии сохранения основных тенденций существовавшего международного положения, расстановки сил на мировой арене и сохранения характера отношений с союзниками и соперниками США.

Поддерживая необходимость заключения готовившегося советско-американского договора об ограничении стратегических наступательных вооружений, подписанного в Вене в июне 1979 г., Г. Браун в то же время все в большей степени склонялся к концепции Шлесинджера о повышении гибкости стратегических ядерных сил, т. е. к допустимости «ограниченной стратегической ядерной войны», одновременно увеличивая упор на наращивании боевых возможностей сил общего назначения США и их союзников.

Еще одна группа американских документов, посвященных самым непосредственным образом военной стратегии и политике США в области вооружений, — это ежегодные доклады конгрессу председателей Комитета начальников штабов¹⁸. В отличие от ежегодных докладов министров обороны, в которых детально анализируются военный бюджет, военные программы, развитие ос-

¹⁸ *Brown H.* Department of Defense Annual Report Fiscal Year 1980. Hearings before a Subcommittee on Appropriations House of Representatives, 96th Congress, 1st Session. Washington, 1979, p. 20—360.

¹⁹ *Moorer T.* United States Military Posture for FY 1972. Statement before the Senate Armed Services Committee. Washington, 1971; *Idem.* United States Military Posture for FY 1973. Statement before the Senate Armed Services Committee. Washington, 1972; *Idem.* United States Military Posture for FY 1974. Statement before the Defense Appropriations Subcommittee of the House Committee on Appropriations. Washington, 1973; *Idem.* United States Military Posture for FY 1975. Statement before the Senate Armed Services Committee. Washington, 1974; *Brown G.* United States Military Posture for FY 1976. Statement before the Senate Armed Services Committee. Washington, 1975; *Idem.* United States Military Posture for FY 1977. Statement to the Congress. Washington, 1976; *Idem.* United States Military Posture for FY 1978. Statement to the Congress. Washington, 1977; *Idem.* United States Military Posture for FY 1979. Statement to the Congress. Washington, 1978; *Jones D.* US Military Posture for FY 1980. Hearings before the Committee on Appropriations House of Representatives, 96th Congress, 1st Session. Washington, 1979, p. 364—454.

новых систем оружия, исследования и разработки, в докладах председателей Комитета начальников штабов главное внимание уделяется комплексному сравнительному анализу развития вооруженных сил США, СССР, КНР, стран — членов НАТО и государств — участников Варшавского Договора, стратегических ядерных вооружений, оперативно-тактического ядерного оружия и вооружений сил общего назначения. Другими словами, в докладах меньше внимания уделялось политической стороне дела и больший упор, как это следовало ожидать, делался на чисто военные вопросы, при этом, как ни странно, в этих докладах меньше спекуляций на «драматическом росте советской военной угрозы».

Так, в докладе Т. Мурера на 1973 финансовый год есть высказывание, которое следовало бы учитывать всякого рода «комитетами по существующей опасности», запугивающим американцев «советской военной угрозой». «Как я подчеркивал в прошлом году, опасно недооценивать мощь наших оппонентов, но еще более опасно для наших национальных интересов переоценивать их мощь. Если мы будем это делать, то без нужды ослабим уверенность **нашего народа** и союзников в сдерживающей мощи наших вооруженных сил и, следовательно, ослабим нашу решимость стоять твердо в кризисных ситуациях. Более того, не следует давать поводов нашим оппонентам недооценивать нашу мощь. При такой недооценке они могут не сдержаться и начать кризис для испытания нашей воли и решимости» (р. 3).

Наглядно прослеживается в докладах председателей Комитета начальников штабов эволюция стратегических концепций США по отношению к КНР. В 1972 г., еще до визита Р. Никсона в Китай, адмирал Т. Мурер в том же докладе писал: «...приобретение Китайской Народной Республикой статуса значительного ядерного государства добавило новый и сложный фактор в стратегическое уравнение как для Соединенных Штатов, так и для Советского Союза. Китай, вероятно, уже обладает способностью доставки ядерных зарядов к советским целям в Сибири и к целям США и их союзников в Азии и западной части Тихого океана. К середине 70-х годов китайские ядерные возможности могут распространиться на весь Советский Союз, а в конце десятилетия и на Соединенные Штаты.

Независимо от того, как будут складываться отношения между этими государствами, стратегические силы США должны быть достаточными для сдерживания Советского Союза и Китая одновременно. Если даже мы будем вовлечены в ядерную войну только с одним из этих государств, мы одновременно должны иметь достаточные, стратегические силы для сдерживания ядерного нападения другого» (р. 22).

В последующих докладах по мере изменения отношений между США и КНР антикитайские акценты постепенно сглаживались. В начале 1977 г. в своем докладе на 1978 финансовый год генерал Дж. Браун писал следующее: «Китайцы теперь обладают ограниченными возможностями нанесения ядерных ударов ракета-

ми и бомбардировщиками по периферии Китайской Народной Республики. Их возможности производства расщепляющихся материалов расширяются. Недавно они произвели испытательный взрыв мощностью 4 мегатонны. В настоящее время китайцы не обладают возможностью нанесения удара по континентальным Соединенным Штатам и не будут иметь соответствующего оружия еще по крайней мере в течение нескольких лет» (р. 31).

Следует иметь в виду, что принятые, которые в 1977—1978 гг. чинились заключению нового советско-американского договора о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений, исходили главным образом от реакционных, антисоветски настроенных политических кругов, тех кругов, главная цель которых — вмешательство во внутренние дела Советского Союза под фальшивым лозунгом борьбы «за права человека», всякого рода идеологические диверсии. Комитет же начальников штабов, понимая, что политические спекуляции на «советской стратегической ядерной угрозе» лишены реальных оснований, а главное, проводя линию на наращивание в первую очередь боевых возможностей сил общего назначения, их мобильности и быстрого реагирования в локальных конфликтах в различных регионах, выступал за соглашения.

В том же докладе генерала Дж. Брауна (январь 1977 г.) говорится: «Соглашение СОЛТ-2, основанное на владивостокской договоренности ноября 1974 г., представляло бы важный этап на пути ограничения вооружений. Договоренность предусматривает равные суммарные уровни по 2400 стратегических средств доставки для каждой стороны и по 1320 пусковых установок баллистических ракет с РГЧ... Комитет начальников штабов активно поддерживает эту цель» (р. 7).

Подобная же линия проводилась в ежегодных докладах председателей Комитета начальников штабов о стратегической позиции США на 1979 и 1980 финансовые годы. В последнем докладе генерала Д. Джоунса, принимавшего участие, как и министр обороны США Г. Браун, в советско-американской встрече на высшем уровне в июне 1979 г. отмечено, что «Комитет начальников штабов поддерживает соглашения СОЛТ, которые основаны на равенстве и обеспечивают возможность их проверки» (р. 409).

Наряду с этой позитивной линией в докладе генерала Д. Джоунса активно продолжен курс на дальнейшее распространение мифа о «советской военной угрозе» в Европе. Несмотря на признание конструктивности позиции СССР и других социалистических стран на венских переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе (р. 410), в докладе Д. Джоунс занял позицию, цель которой — получение США и их союзниками односторонних военных преимуществ. Эта же цель преследовалась при сопоставлении оперативно-тактического ядерного оружия стран НАТО и государств — участников Варшавского Договора (р. 367), при этом обосновывалась необходимость размещения в ряде стран Западной Европы около 600

новых ядерных ракет большой дальности «Першинг-2» и стратегических крылатых ракет на наземных пусковых установках.

К категории документов, в которых анализируется и формулируется политика США в области ограничения вооружений, относятся ежегодные доклады конгрессу директора Агентства по контролю над вооружениями и разоружению. До 1980 г. было выпущено 18 таких докладов. В них ежегодно подводятся итоги американской политики в этой области. Так, 12-й ежегодный доклад, подготовленный в январе 1973 г., содержал прежде всего материалы, связанные с подписанием советско-американских соглашений 1972 г. об ограничении стратегических вооружений, а также с началом переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, конвенции о запрещении разработки, производства и хранении бактериологического (биологического) и токсинного оружия и о его уничтожении²⁰.

В мае 1976 г. был достигнут прогресс в решении проблемы ограничения подземных испытаний ядерного оружия, и 15-й доклад начинался с раздела о нераспространении ядерного оружия²¹. Кроме разделов об ограничении стратегических вооружений и сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, в докладе имеется раздел об ограничении военно-морских вооружений в связи с подготовкой к переговорам с СССР об ограничении военно-морского присутствия в Индийском океане. Однако начатая в 1976 г. в США политическая кампания, построенная на спекуляциях относительно роста «советской военной угрозы», военного бюджета и численности вооруженных сил СССР, что со всей ответственностью было опровергнуто Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета и Совета Обороны СССР Л. И. Брежневым²² и Министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Д. Ф. Устиновым²³, отразилась в соответствующем разделе 15-го доклада и специальном докладе Агентства²⁴ — статистические сравнительные данные были перегруппированы и «откорректированы». Тем не менее даже по этой статистике военные расходы НАТО в 1974 г. оценивались (в ценах 1973 финансового года) в 123 млрд., а Варшавского Договора — в 107 млрд. долл. Составители ежегодного доклада вынуждены были признать и американское «лидерство» в области поставок оружия. По оценкам доклада, США в 1974 г. поставили за границу 45% всех мировых поставок, в то время как СССР, по этим же оценкам, поставил своим союзникам и странам, ведущим борьбу за национальное освобождение и социальный прогресс, 30% (р. 46).

Из других документов, подготовленных по заказу Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, представляют интерес «Соглашения об ограничении вооружений. Тексты и история переговоров» и отчет об исследовании долгосрочных последствий большой ядерной войны для всего земного шара²⁵.

Выводы этого исследования сконцентрированы на долгосрочных последствиях гипотетической большой ядерной войны в Северном полушарии с использованием порядка половины существующих стратегических ядерных арсеналов для стран Южного полушария, непосредственно не вовлеченных в такую войну. В качестве гипотезы принято, что в Северном полушарии может быть взорвано 500—1000 зарядов мощностью по 10—20 мкт и 4—5 тыс. зарядов по 1—2 мкт общей мощностью 10 тыс. мкт. Последствия такого удара чреваты не только уничтожением воюющих стран, но и опасностью радиоактивного заражения планеты, разрушением стратосферного озона, защищающего человечество от губительного ультрафиолетового солнечного излучения, а также подъемом в стратосферу частиц земли, в результате чего снизится средняя годовая температура, что приведет к катастрофическому голоду. Кроме того, важным выводом исследования явилось то, что страна-агрессор, даже в невероятном случае — если она не получит ответного уничтожающего удара, — пострадает в очень сильной степени от последствий собственного удара. В итоге группа исследователей из Национальной академии естественных наук, Национальной академии технических наук и Института медицины США пришла к выводу о необходимости активизировать усилия всех ядерных государств по ограничению и сокращению ядерных арсеналов и нераспространению ядерного оружия.

В заключение представляется целесообразным отметить, что в конце 1979 — начале 1980 г. администрация США взяла курс на активный подрыв разрядки напряженности и увеличение темпов гонки вооружений. Это выразилось в принятии решения НАТО о развертывании на территории ряда европейских стран 572 новых баллистических ракет «Першинг-2» и крылатых ракет «Томагавк» увеличенной дальности действия, в беспрецедентной милитаристской демонстрации (развертывание крупных авианосных соединений и других интервенционистских сил в зоне Индийского океана) и в увеличении запрошенного на 1981 финансовый год военного бюджета США на 5—6% с учетом инфляции. Все это требует усиления борьбы за мир и международную безопасность,

²⁰ 12th Annual Report to the Congress. U. S. Arms Control and Disarmament Agency. Washington, 1973.

²¹ Arms Control Report. U. S. Arms Control and Disarmament Agency. Washington, 1976.

²² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 22.

²³ Устинов Д. Ф. Избр. речи и ст. М., 1979, с. 318.

²⁴ World Military Expenditures and Arms Transfers 1965—1974. U. S. Arms Control and Disarmament Agency. Washington, 1976.

²⁵ Arms Control and Disarmament Agreements. Texts and History of Negotiations. U. S. Arms Control and Disarmament Agency. Washington, 1975; Long-Term Worldwide Effects of Multiple Nuclear-Weapons Detonations. National Academy of Sciences. Washington, 1975; Worldwide Effects of Nuclear War... Some Perspectives. U. S. Arms Control and Disarmament Agency. Washington, 1975.

объединения всех миролюбивых и прогрессивных сил для решения жизненно важной проблемы сохранения и укрепления мира, ограничения и сокращения вооружений на принципе равенства и одинаковой безопасности.

ЧАКСКАЯ ВОЙНА В ОСВЕЩЕНИИ АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ

Л. Ю. Кораблева

Война между Боливией и Парагваем за территорию Чако (1932—1935 гг.) — одно из наиболее значительных событий в Латинской Америке периода между двумя мировыми войнами. Чакская война наложила глубокий отпечаток на все дальнейшее развитие Боливии и Парагвая, а также оказала существенное влияние на эволюцию межамериканских отношений, в частности отношений между США и латиноамериканскими государствами.

Возможно, именно поэтому история Чакского конфликта продолжает привлекать внимание ученых. К настоящему времени опубликовано изрядное число работ, связанных с теми или иными аспектами этой темы¹. В основном они написаны историками из Латинской Америки и США. Специалисты других континентов занимались этой проблемой сравнительно мало. В советской историографии она, к сожалению, также не получила достаточного освещения². В первое послевоенное двадцатилетие события Чакской войны изучали преимущественно боливийские и парагвайские авторы, североамериканские историки активно включились в разработку этой тематики лишь с конца 1950-х годов.

Условно можно выделить три стадии в развитии зарубежной историографии вопроса.

Первая относится к периоду самого конфликта. В конце 20-х — 30-е годы вышло большое число книг и брошюр о Чако. Но научная ценность их невелика, так как в большинстве своем эти работы, написанные боливийскими и парагвайскими авторами, являются скорее публицистическими, чем исследовательскими, за исключением тех случаев, когда освещают предысторию войны с целью обоснования претензий своей страны на спорную территорию. Поэтому они интересны не столько с историографической точки зрения, сколько как источник, отразивший состояние общественного мнения в странах-соперницах. Североамери-